

Дни тянутся долго, годы летят быстро.

Гретхен Рубин

Мэри выходит из оранжереи в мощный дворик. Густую тишину пререзает резкий писк кухонного радио. Полдень, пять часов до прибытия первого гостя.

Добравшись до газона, она оглядывается через плечо, перехватывает поудобнее тяжелую стопку скатертей и ускоряет шаг. В складках тела скапливается влага. Новенькая комбинация под халатом уже липнет к коже, ляжки трутся друг об друга. Даже под коленями скользко от пота.

Выглаженные скатерти падают на стол с глухим стуком. Мэри закрывает глаза и идет вдоль стола, ведя ладонью по поверхности.

Это монструозное сооружение, которое вытянулось на траве, как змея, по частям собирали по всему дому. Под ладонью узнаются знакомые текстуры, зазоры, перепады высот. Даже с закрытыми глазами понятно, где что. Обеденный стол. Швейный. Бюро из комнаты Розы. Столик на козлах, который Ричард купил под игрушечный автотрек Фиби.

Наконец Мэри доходит до раскидистой тени дерева. Нагретый солнцем затылок начинает остывать, и от этой мимолетной прохлады в голове сразу свежее. Не отнимая ладони от поверхности стола, Мэри запрокидывает голову и открывает глаза.

Дерево — не столько дерево даже, сколько кружево света, струящегося сквозь листву, — стало для Мэри решающим фактором. Незадолго до того, как они приехали посмотреть дом, она всерьез увлеклась садоводством и с каждым днем узнавала на улице все больше растений; неожиданная эта страсть крепла в ней постепенно, долгими вечерами, когда она сидела на диване с Эммой на руках и под монотонный бубнеж свекрови рассеянно смотрела, как Джефф Гамильтон на экране перетирает пальцами компост.

Все те месяцы, проведенные в доме Ирэн, Мэри снилось, как она разбивает клумбы, копает грядки, сажает луковицы. Днем, пока Ирэн в очередной раз пилила ее из-за какой-нибудь мелочи, она погружалась в мечты о зеленой лужайке под раскидистым деревом, о теплице с остроконечными фронтонами в викторианском стиле и аккуратных грядках, присыпанных самодельным компостом.

В последующие годы, сидя в оранжерее и любуясь своим садом, Мэри не раз думала, что, если бы не Ирэн, она бы, наверное, даже не обратила на этот дом внимания.

— Смотри, какое дерево!

Мэри нагнулась к лобовому стеклу их новенького «вольво», чтобы разглядеть получше. Под колесами

зашуршал гравий, и Ричард раздраженно цыкнул, опасаясь за свежую краску. Дом слишком большой, сказал он. Придется нанимать кого-то ухаживать за садом. А в деревне даже паба нет. Случись что, сколько до них будет добираться скорая? А пожарные?

Сам дом поначалу не понравился и Мэри. Огромный — куда больше, чем нужно на троих, — угловатый и серый. Ей хотелось дом из красного кирпича или, коли уж ее занесло в Суффолк, такой, чтобы можно было перекрасить в характерный оттенок розового, который пользовался в этих краях большой популярностью.

Но дерево намертво приковало ее взгляд. Оно мерцало. На стене дома плескалась солнечная рябь, как будто где-то в ветвях прятался диско-шар. Пышная крона шелестела на теплом весеннем ветерке. Тонкие ветви шевелились, словно длинные хрупкие пальцы, перебирающие пряди волос, и, разрезая свет, отраженный от поверхности пруда у самых корней, создавали восхитительное световое шоу на сером кирпичном фасаде.

Мэри с первой минуты поняла, что это ее дерево.

Сегодня старая ива выглядит такой же усталой, как толстый рыжий кот, который растянулся в ее тени.

Из-за густой кроны ясного голубого неба почти не видно, но Мэри все равно думает об Эмме. Прямо сейчас ее старшая дочь астероидом мчится по направлению к Британии. Вот она, скрестив вытянутые ноги, прижимается лбом к иллюминатору и разглядывает сверкающий далеко внизу Атлантический океан. На ногах у нее туфли из мягкой кожи — надо полагать, на высоком каблуке; только Эмме придет в голову надевать такие в самолет. Мэри живо представляет, как

дочь качает головой, отказываясь от предложенного стюардессой шампанского.

Она оглядывается на дом.

Жара стоит нестерпимая — вязкая, жирная, как хорошее оливковое масло. Очертания дома искажаются в зыбко дрожащем воздухе, и кажется, будто кирпичная кладка ходит волнами. Ни намек на ветерок. Даже ветви ивы над головой не шелохнутся — редкое зрелище.

Позже, когда по всему саду загорятся сотни крошечных огоньков, гости, может, и обратят внимание на ее живописную красоту, но, пока стоит штиль, в ней сложно разглядеть что-то особенное: просто симпатичное дерево, каких сотни.

Ветви неподвижны, но отраженный от воды свет, как и прежде, рисует на стене дома то самое кружево, в которое Мэри влюбилась много лет назад. Его не портит даже невысокий заборчик, который теперь ограждает пруд.

— Водоемы и маленькие дети несовместимы, Мэри. Забор или бетон, выбирай!

Эта навязчивая мысль — что кто-нибудь непременно утонет — преследовала Ричарда с тех пор, как на одном из первых свиданий, еще в Кардиффе, они сходили в кино на «А теперь не смотри». Разумеется, он настоял на заборе, едва проведал, что одна из дочерей свалилась в пруд. Ничего страшного, в общем-то, не случилось: потери ограничились одной туфелькой, которая то ли застряла в иле, то ли запуталась в водорослях, буйно разраставшихся в пруду, несмотря на все усилия Мэри.

Туфельки были нарядные, лакированные, подогранные с помощью механического аппарата, который гудел, и вибрировал, и волнующе обхватывал

крошечные ножки во время примерки. Выловленное из пруда дитя немедленно закатило истерику, оплакивая утрату. Мэри погладила рыдающую дочку по мокрым, затынутым ряской волосам и поняла, что придется пойти на уступки. Бог с ним, с забором; главное, чтобы эта красная лакированная туфелька с блестящей металлической пряжкой осталась единственным поводом для слез.

В тяжелом неподвижном облаке жары далеко разносится звук кухонного радио. Обычно в этой части сада, под ивой, его не разобрать, но в отупляющем безветрии неестественно теплого сентябрьского дня голос диктора звучит вполне отчетливо.

«...Самый жаркий сентябрьский день за всю историю наблюдений».

Мэри неловко за себя. Она знает, что должна беспокоиться, что изменение климата — это не шутки, а глобальная катастрофа. Она и беспокоится — пару месяцев назад даже ездила на тест-драйв электромобиля, — но все равно рада, что сегодня так солнечно.

Солнечно и тепло.

Благодать.

Мэри начинает мутить. Она ужасно волнуется, и это волнение приятным не назовешь: больно уж напоминает страх. А может, это он и есть. Несмотря на все заверения, к радостному предвкушению примешивается недоброе предчувствие, что этот семейный праздник закончится чем-то ужасным.

«Мне очень хочется, — дописала она на обороте каждого приглашения той же зеленой ручкой, которой выводила спереди имена, — чтобы спустя годы разлуки мы собрались вместе в день моей свадьбы. Я никогда не любила просить, но сегодня все-таки прошу, чтобы на один-единственный день вы оставили

вражду за порогом и постарались вспомнить, что любите друг друга».

Когда все трое ответили положительно, Мэри была на седьмом небе. Хотя временами у нее закрадывалось подозрение, что ни одна из них не догадалась перевернуть приглашение и не видела ее приписку.

Нет. Конфликты конфликтами, но она, Мэри, вырастила этих женщин. Никто из них не станет портить день ее свадьбы... Наверное.

— Конечно нет!

От звука ее голоса дремлющий кот вскидывает голову и как будто закатывает глаза, прежде чем потянуться и снова провалиться в сон. Не в первый раз Мэри задумывается, может ли животное ее жалеть.

По саду разливается глубокий, бархатистый голос диктора. Нижняя нота аккорда, виолончель в симфонии птичьих трелей — всепроникающей какофонии, которую улавливаешь не сразу и поначалу воспринимаешь как фоновый шум вроде шелеста прибоя на берегу. Но подобно тому, как на море стоит расслышать одну волну и все остальные звуки растворяются в бесконечном ритмичном плеске, так и в саду: едва ухо вычленяет отдельную трель, и птичий оркестр уже невозможно не замечать.

Воздух полнится звуками. Свист певчего дрозда, воркование вяхирей. Лазоревки, щеглы и синицы щебечут, перепархивая с ветки на ветку и усаживаясь на кустики лаванды, отделяющие мощный дворик от газона.

Мэри берет из стопки верхнюю скатерть и, мурлыкая под нос, начинает разворачивать. Оглядывает двор, мысленно составляя список дел.

В кресле, запрокинув голову, как сломанная марионетка, дремлет Ирэн.

Откуда она здесь взялась?

Мэри озирается в поисках трости или ходунков — ничего.

Временами, в приступах раздражения, она начинает сомневаться, что Ирэн вообще нуждается в ходунках. Когда старуха в очередной раз материализуется то в одной части дома, то в другой, поневоле задумаешься, действительно ли та не в состоянии ходить, бегать, а то и плясать без посторонней помощи.

На фоне кресла Ирэн кажется совсем миниатюрной. Она всегда была худощавой, особенно по сравнению с Мэри, но после того падения — после операции — начала усыхать, как воздушный шарик, из которого медленно выходит воздух.

Затаив дыхание, Мэри несколько долгих секунд смотрит на грудь Ирэн: дышит или нет? С тех пор как Ирэн перебралась к ней, Мэри делает это по несколько раз в день. Кто бы мог подумать, что, хотя дети давно разъехались, настанет время, когда она снова будет проверять чужое дыхание во сне.

У нее екает сердце. Неужели?.. Предчувствие, которое мучило ее в последнее время...

Ирэн раскатисто всхрапывает, и Мэри переводит дух.

Она отворачивается от Ирэн. Взгляд скользит вдоль составленных вместе столов и останавливается на паре массивных стульев во главе стола, смахивающих на троны. Мэри кладет раскрытую ладонь на живот, как показывала вчера Роза, и старается сосредоточиться на дыхании. Что там нужно представлять? Треугольник?

Инстинкт — бежать! — заглушает остальные чувства. Хочется бросить скатерть, рвануть к задней двери, сдернуть ключи от машины с крючка — жуткая безвкусица этот крючок, Мэри привезла его хохмы ради из отпуска на Майорке с Лиз — и уехать.

Конечно, она так не поступит.

Больше всего на свете она хочет быть здесь. Она ждала этого дня почти два года... Сорок лет, если уж быть честной с собой.

Это начало новой жизни.

Она должна радоваться.

И она рада. Очень.

Но там, где начинается новая жизнь, кончается старая.